

А.В. МИХАЛЕВ*

СИМВОЛЫ СОВЕТСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОНГОЛИИ¹

Аннотация. Статья посвящена изучению советского символического наследия в современной Монголии, представленного в мемориалах, государственной символике, произведениях искусства и текстах. В центре внимания статьи борьба за присвоение символического пространства и за придание ему новых политических смыслов. Сегодня это борьба между монгольским этнонационализмом и российским «национализмом Родины» (термин Р. Брубейкера). Борьба с памятниками Ленину как часть проекта декоммунизации прошла в Монголии в рамках бесконфликтного сценария. При этом мемориалы воинской славы остались нетронутыми и даже оказались востребованы. Каждый из национализмов формирует свою систему описания мира, встраивая в нее символы предыдущей эпохи. В итоге мы констатируем возникновение симбиоза между данными национализмами, относительно гармонично сосуществующего на «руинах» советской символической системы. Этот симбиоз основан на масштабном спросе на героику как на важный фактор консолидации населения. В данной работе мы также разобрали три ключевых мифа, основанных на советском наследии и остающихся актуальными и в современных условиях. Исследование опирается на полевые результаты автора, полученные в ходе экспедиций в Монголию в период с 2009 по 2019 г. (населенные пункты Улан-Батор, Эрдэнэт, Чойр, Сайшанд). Наряду с этим в основу статьи были положены материалы региональных массмедиа, художественной литературы, визуального контента. Данная работа представляет собой часть лонгитюдного исследования, посвященного изучению советского наследия в Азии.

*** Михалев Алексей Викторович**, доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ, Россия), e-mail: mihalew80@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00502.

© Михалев А.В., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.02.06

Ключевые слова: политика; символическая политика; власть; гегемония; государство; Азия.

Для цитирования: Михалев А.В. Символы советского присутствия в пост-социалистической Монголии // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 126–142. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.06>

Советское наследие, сохранившееся в бывших социалистических странах Азии в самых разных формах, на протяжении последних 30 лет переживает сложные политические трансформации. Данная статья посвящена описанию многообразных и зачастую противоречивых процессов, определивших судьбу системы политических символов в постсоциалистической Монголии.

Эта страна, которую прежде считали едва ли не «шестнадцатой республикой СССР» [Панарин, 2014, с. 66], представляет собой важную часть единого политико-символического пространства от Берлина до Улан-Батора. Однако именно она, несмотря на продолжительность социалистического эксперимента, имела наиболее яркие культурные и исторические особенности среди всех стран Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

Советский метанарратив [Gill, 2013, p. 11–27] сформировал универсальную систему политических символов. Тиражировавшиеся из СССР идеологические установки воспроизводились на местах лишь с небольшими отличиями. Так, решения КПСС по вопросам развития братских государств в Азии дублировались в решениях Монгольской народно-революционной партии. Понятные и узнаваемые политические символы встречались как на территории ГДР или ПНР, так и в МНР. Однако близость к китайскому полюсу марксизма и постоянная напряженность на монгольско-китайской границе с конца 1960-х и на протяжении 1970-х годов [Лиштованный, 2007, с. 36] наложили откровенно милитаристский отпечаток на всю знаково-символическую систему МНР. Необходимость советского присутствия в Монголии была продиктована прежде всего дальнейшей эскалацией советско-китайского конфликта, особенно после вооруженных столкновений в марте 1969 г. в районе острова Даманского. Но в период «преодоления социализма» и перехода к демократической политической системе борьба с советским сосредоточилась на политических, а не военных символах. В проблеме постсоциалистических трансформаций в Монголии и формирования новой символической системы боль-

шое значение имела так называемая «угроза с Юга», или «китайская угроза». Поддерживаемая советской идеологией борьбы с китайскими шовинистами и маоизмом, она просуществовала вплоть до начала XXI в. вместе с целым рядом символов уже ушедшей эпохи. Из первого форпоста, преграждавшего экспансию маоизма на протяжении последних 20 лет позднего социализма, Монголия трансформировалась в один из бастионов синофобии в Азии. Прослеживая специфику происходивших изменений, особенно в контексте символической политики, мы получаем возможность проследить основания не только политической системы современной Монголии, но и конфигурации регионального порядка в Северо-Восточной Азии.

В эмпирическом плане данное исследование базируется на материалах полевых исследований, проводившихся автором на протяжении последних десяти лет в Монголии (населенные пункты Улан-Батор, Эрдэнэт, Чойр, Сайшанд). Основная задача данных экспедиций заключалась в изучении советского наследия в современной Монголии и его трансформации под влиянием политических изменений с 1990 по 2019 г. Последняя экспедиция проходила в апреле 2019 г. на территории столицы изучаемой страны – города Улан-Батор. Вслед за О.Ю. Малиновой мы исходим из тезиса о том, что «символическая политика осуществляется в публичной сфере, т.е. виртуальном пространстве, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности, иными словами, имеет место конкуренция разных способов интерпретации социальной реальности» [Малинова, 2012, с. 12]. Наше исследование сосредоточено на изучении «останков» советских символов, сохранившихся после агрессивной декоммунизации начала 1990-х годов. Распад социалистического метанарратива привел к тому, что некоторые его элементы оказались изменены и трансформированы как монгольским национализмом, так и тем, что вслед за Роджером Брубейкером можно назвать российским «национализмом Родины» [Брубейкер, 2005]. Согласно Брубейкеру, «национализмы Родины ориентированы на граждан других стран, воспринимаемых в качестве этнокультурно близких. “Родина” считает своим правом и обязанностью следить за тем, как живут “соплеменники” в других странах, ока-

зывать им разного рода помощь, поддерживать их политическую активность, их организации и пр.» [Брубейкер, 2005, с. 48].

Ключевыми акторами, участвующими в борьбе за символическое пространство современной Монголии, являются российские и монгольские государственные структуры, монгольские политические партии, монгольские демократические и правозащитные НПО, Русская православная церковь, российские военно-патриотические организации.

Анализу символической системы национализма монгольского мира посвящен целый ряд работ Ф. Биле [Billé, 2016], У. Булага [Bulag, 2002], Л. Мунх-Эрдэнэ [Munkh-Erdene, 2006], В.И. Терентьева [Терентьев, 2016], Т.Д. Скрынниковой [Скрынникова, 2014]. В их трудах, преимущественно с позиций культурной антропологии, описана трансформация символического пространства региона на примере, а зачастую и в сравнении Монголии и Бурятии. Несмотря на достаточно солидную академическую традицию изучения постсоциализма как в Монголии, так во Внутренней Азии, в целом можно отметить, что на протяжении почти 30 лет в центре внимания находится монгольская субъектность. Основной упор в литературе делается на монгольском государствовоительстве и формировании новых национальных символов. Однако процессы, связанные с символической политикой, отражающей интересы русских, эвенков, баргутов и других, представляют не меньший интерес. Настоящее исследование фокусируется на советском, его символах и их продолжительном влиянии на природу политической системы современной Монголии. Это позволит более полно проанализировать процессы, происходящие в изучаемом регионе, в том числе опираясь на опыт сравнения с другими постсоциалистическими странами.

Национализм и декоммунизация как точка отсчета

Революция зимы 1989–1990 гг. стала важным событием в истории монгольского нации- и государствовоительства. В сущности, именно после протестов на площади Сухэ-Батора в Монголии был взят курс на свертывание социалистического проекта. В плане символической политики наиболее значимым документом эпохи стала брошюра монгольского либерального публициста Баа-

бара «Не забудь! Иначе гибель» [Баабар, 1989]. Обращаясь к исторической памяти монголов, он дал негативную оценку почти всему периоду социалистического развития, связав его с репрессиями, диктатурой и советскими политическими марионетками у власти в стране [там же]. На первое место в его книге была поставлена идея национального суверенитета как базовой ценности.

На протяжении 1990-х и начала 2000-х годов в ходе процесса декоммунизации в стране были ликвидированы почти все памятники советским вождям (последний памятник Ленину был снят в 2012 г.). На смену системе неравноправных отношений старшего и младшего братьев советского и монгольского народов пришла идея тысячелетней кочевой цивилизации. В это время был снесен мавзоль Д. Сухэ-Батора на одноименной площади в центре столицы. На смену Сухэ-Батору и Ленину пришел масштабно тиражируемый образ Чингисхана и первых ханов его династии. За короткий период в стране появились аэропорт «Чингисхан», площадь Чингисхана, мемориалы Чингисхана, его портрет отпечатан на национальной валюте, а также выпущена одноименная водка. Его образ стал символом декоммунизации. Как отмечает американский исследователь Кристофер Каплонски, упоминание Чингисхана в период социализма было табуировано, что имело важные последствия для становления общемонгольской идентичности и преодоления межплеменных барьеров. На волне национально-демократической революции 1989–1990 гг. произошло «возвращение Чингисхана», определившее становление новой посткоммунистической монгольской идентичности. Чингисхан стал символом, объединяющим в единую нацию многочисленные монгольские племена, сменив в этой роли Д. Сухэ-Батора и героев-революционеров эпохи социализма [Kaplonski, 2005, p. 148].

В 1991 г. в стране была принята новая Конституция, положившая начало, в том числе, и новому этапу в символической политике. 12 февраля 1992 г. с флага Монголии была убрана золотая пятиконечная звезда, а название страны утратило характеристику Народной Республики, став Государством Монголия (Монгол улс). На смену всаднику-скотоводу, мчащемуся на коне, на государственном гербе появилось изображение Лунгта – священного коня Ветра. Из гимна были убраны слова «за строительство коммунизма в единении с Советским Союзом». Всё это подчеркивало разрыв с предыдущим периодом и символизировало возврат к истокам мон-

гольской государственности [Скрынникова, 2014]. В системе политической символики все большее значение стали приобретать буддистские символы, в частности Соёмбо, с 1924 г. изображавшийся на флаге страны. Несмотря на религиозное значение, данный символ в Монголии считается национальным и тесно связывается с именем Занабазара – первого теократического лидера Халха-Монголии, являвшегося потомком Чингисхана. Большое распространение приобрел буддийский символ Гаруда (например, на гербе Улан-Батора) – покровителя священной горы Богд-хаан-уул. Символ Гаруды в современной Монголии почти механически заменил изображение пятиконечных звезд на воротах ведомственных учреждений. Также в новой монгольской геральдике широко распространилось изображение священного лотоса, колеса-дхармачакры и чинтамани (философский камень в буддизме).

Ключевая схема новой модели описания истории была лаконично сформулирована Баабаром в новой книге «От мирового господства до советского сателлита» [Baabar, 1999]. Данная книга отлично описывает процессы внутри стран социалистического лагеря, начиная с движения «Солидарность» в Польше и заканчивая ростом антисоветских настроений в МНР, а также событиями на площади Тяньаньмэнь в КНР [Baabar, 1999]. Однако преодоление наследия эпохи социализма не было связано с тотальным отрицанием. Это объясняется тем, что МНР, преемником которой стало новое Монгольское государство, обрело в международном праве status quo благодаря решениям мирных конференций 1945 г. 20 октября этого года всенародный референдум МНР единогласно проголосовал за независимость страны. Став частью мирового сообщества в результате ялтинско-потсдамских соглашений, современная Монголия оказалась в сложном положении в Азии после ухода России из региона и усиления КНР в начале 1990-х годов.

Новые политические символы, оформившиеся в 1990-е годы, были ориентированы на закрепление статуса Монголии в сообществе демократических государств. Сформированная система парламентской демократии легитимизировалась через отсылки к Великому Курултаю 1206 г., провозгласившему Тэмуджина Чингисханом и сформировавшему Их Монгол Улс. Демократические ценности стали позиционироваться как традиционные для монгольского общества, что было подкреплено утверждением Президента США Дж. Буша в 2005 г. о том, что «Монголия – это бастион демократии»

в Азии». Данные изменения происходили на фоне экономических реформ «шоковой терапии», резкого социального расслоения, смены устоявшихся моделей социального поведения и появления новых «социальных лифтов». На смену помощи от СССР и стран СЭВ пришли кредиты МВФ, Азиатского банка развития, а также от целого ряда стран, включая США и Японию. В этой ситуации новые политические символы и мифы лишь закрепили сложившееся положение дел как в экономике, так и в политике.

Рефрейминг советских символов

Готовясь к масштабному военному конфликту с КНР, в том числе на территории Монголии, Советский Союз за 1960–1970-е годы максимально увеличил численность советской военной группировки в этой стране. Вместе с военными в страну пришла и советская милитаристская символика, привязанная к местным реалиям. После распада Восточного блока многие из воинских мемориалов в постсоциалистической Монголии остались востребованы, равно как и идеологические шаблоны, воспроизводившиеся в военно-патриотическом дискурсе. На наш взгляд, это связано с опасениями китайской экспансии в этой стране и нарастающими настроениями синофобии [Delaplace, 2010, p. 139]. Советские военные мемориалы, фильмы и книги о Монголии являются наглядным свидетельством героической борьбы за суверенитет, затянувшейся на всю первую половину XX в. Попытаемся выделить ряд мифов, сформированных в период социализма и перефреймированных в современных условиях.

Первым значимыми мифом является победа на Халхин-Голе в 1939 г. Она стала основным мифом, подтверждающим жизнеспособность нации и государства в условиях противостояния Японской империи. В настоящее время этот миф является элементом национальной идентичности. Показательно, что несмотря на многочисленные предложения Японии, оказывавшей масштабную материальную помощь Монголии в 1990-е годы, переименовать «войну на Халхин-Голе» в «Номонханский инцидент», в переименовании было отказано. Разгром Японской империи в демократической Монголии рассматривается как один из важных шагов на пути обретения национальной независимости и республиканской

формы государственного устройства. Даты этого знакового события отмечаются на государственном уровне и завершаются военным парадом. На празднование приглашаются представители Российской Федерации. С 2019 г. в Монголии проводится акция «Бессмертный полк», а в параде участвуют российские военные. Здесь же нужно отметить и присутствие мифа в искусстве: художественный фильм о войне 1939 г. «Слушайте на той стороне» и ряд современных документальных лент идут в прокате национальных телеканалов в дни мемориальных мероприятий. Историческая литература о войне систематически переиздается, хотя ее тиражи существенно меньше, чем в предыдущий исторический период. В 2019 г. в районе боев совместно с РФ создан масштабный мемориальный комплекс, включающий в себя памятник монгольским воинам и образцы бронетехники, установленные на постамент. В 2017–2019 гг. миф о свободной монгольской нации победителей достаточно активно воспроизводился в региональных СМИ.

Второй значимый и культивируемый миф – это миф о вкладе Монголии в победу во Второй мировой войне. Баабар, который сейчас стал одним из идеологов современной Монголии, отмечает: «С первых дней войны МНР мобилизовала все внутренние ресурсы в соответствии с условиями военного времени. Страна, вся внешняя торговля которой проходила с СССР, с началом войны практически прекратила импорт. В этом смысле Монголия фактически превратилась в тыловой фронт, наравне с Сибирью, Дальним Востоком и районами Средней Азии. По всей стране широко развернули сбор средств, отправку на фронт подарков, скота, мяса, шерсти, сырья, одежды, денег, золота и серебра, т.е. всего, что можно было собрать и отдать в военный фонд» [Ваабар, 1999, р. 393]. Данный нарратив получил широкое распространение. Сейчас он играет важную роль в переосмыслении отношений, сформированных ранее в духе пролетарского интернационализма. На смену дихотомии старшего и младшего брата [Михалев, 2011, с. 198] и ироническому образу «самой независимой страны, от которой ничего не зависит» приходит миф о Монголии как о полноправном акторе мировой политики на протяжении всего XX в. Это позволяет не только обосновать свое место в ряду стран-победительниц, но и заявить о собственном вкладе в формирование Ялтинско-Потсдамской системы, обеспечившей национальный суверенитет Монголии.

Третий важный миф, выделенный и переосмысленный из массива советского наследия, – это покорение космоса. Сюжет о полете 1981 г. монгольского космонавта Ж. Гуррагчи и советского космонавта В.А. Джанибекова оказался востребован и в условиях новой национальной мифологии 1990–2000-х годов. Изначально это событие являлось символическим актом, демонстрирующим нерушимость интернациональной братской дружбы советского и монгольского народов и наглядным свидетельством Прогресса. В ходе постсоциалистических трансформаций этот символический акт не подвергся переоценке, доказательством чему служит то, что микрорайон Сансар (Космос) в столице Монголии не был переименован. В новых условиях этот полет интерпретируется как подтверждение формулы современного этапа нациестроительства «Монгол хун – баатар!» (монгол – это богатырь). В 1990-е годы Ж. Гуррагча имел все шансы стать олицетворением национального героя, консолидирующего вокруг себя общество. Именно поэтому его политический капитал активно эксплуатировался политическими структурами, в результате чего первый монгольский космонавт прошел путь от парламентария до министра обороны.

Перечисленные мифы формируют значительный сегмент символического репертуара Монголии, и, несмотря на свое советское происхождение, активно эксплуатируются и по сей день. В итоге в Монголии еще в конце 1990-х годов удалось сформировать несколько противоречивый и эклектичный национальный нарратив, интегрировавший различные сюжеты и символы, заимствованные как из средневековой, так и из новейшей истории.

Советские символы и российский «национализм Родины»

Анализируя переосмысление советских символов в пространстве современной Монголии, мы констатируем их разрушение, выталкивание на периферию, а также их использование в националистических дискурсах. Как уже отмечалось, отношение РФ к «руинам» советского присутствия вписывается в паттерн «национализма Родины». Так, отстаивая права соотечественников, проживающих в Монголии и потерявших работу на монгольских предприятиях после начала рыночных реформ, одна из диаспоральных газет в 2005 г. писала: «Проблемой является то, что мно-

гие предприятия, находящиеся в государственном подчинении, перешли в частные руки. И обеспечивавшие доход нашим соотечественникам рабочие места были сокращены самым радикальным образом» [цит. по: Михалев, 2007, с. 268].

Обращение МИД России и Россотрудничества к символическому наследию СССР в Монголии тесно связано с проектом «Соотечественники» и поддержкой русской диаспоры в стране. В итоге все, что осталось от некогда монолитной символической системы СССР в МНР, стало достоянием российских соотечественников в Монголии. Финансовую поддержку по линии Россотрудничества получил, прежде всего, военно-патриотический блок. Символами российской воинской славы в Монголии, которые поддерживаются с помощью средств, выделяемых РФ, стали памятник и музей Г.К. Жукова, русское кладбище Улан-Батора, мемориал на Халхин-Голе, памятник воину-освободителю в Чойре (самый восточный «Алеша») и ряд других.

Хронологически интерес к символическому наследию в МНР стал проявляться лишь в середине 2000-х годов. При поддержке правительства г. Москвы в 2006 г. проводилась реконструкция Дома-музея Г.К. Жукова в Улан-Баторе. Этот проект является наглядным примером рефрейминга советских символов в современных условиях. В частности, после реконструкции фасад музея Жукова украсила масштабная икона Георгия Победоносца. В рамках происходивших в этой стране процессов мы можем констатировать синхронизацию религиозного рефрейминга советских символов. Сегодня большая часть советских символов переосмыслена и приватизирована как минимум в трех измерениях: национализма, буддизма или православия. Например, в 2005 г. делегация представителей РПЦ установила на Халхин-Голе поклонный крест и отслужила по павшим панихиду по православному чину. Подобный символический акт является попыткой включить Монголию в пространство Русского мира, сформировав систему символов, отсылающих как к советскому периоду, так и ко времени Российской империи [Михалев, 2009].

Особого внимания заслуживают СМИ, отвечающие за систему коммуникаций, связанных с символической политикой. Прежде всего это так называемые «старые» русскоязычные газеты «Новости Монголии» (издается с 1942 г.) и «Монголия сегодня». Среди новых газет необходимо упомянуть «Вестник центра Москва –

Улаанбаатар», ориентированную на соотечественников и выходящую с 2000-х годов, а также газету РПЦ «Троица». Данные газеты обеспечивают воспроизводство образов и смыслов, связанных с символической политикой. Для них характерны заголовки статей «Москва и соотечественники: образование в Монголии», «Исторический обзор формирования русской диаспоры в Монголии», «Спасибо Москве за поддержку!» и т.п. [Михалев, 2007].

Большую долю в публикациях диаспоральной прессы занимают статьи о положении русских соотечественников в других странах мира. Положение русской общины в Прибалтике, в Казахстане и Киргизии – это тот контекст, в который вписываются политические смыслы, сформированные в Монголии [там же]. В сущности, это воображение мира, в центре которого диаспоры, образовавшиеся после распада СССР, а вместе с этим и постимперская травма. Важно обратить внимание на то, что советские символы, оказавшиеся заброшенными и неактуальными в течение 1990-х годов, к началу 2010-х обрели новый сентиментальный смысл переживаний об «ушедшей империи». При этом данный контекст отлично прослеживается в диаспоральной прессе, систематически смешивающий символику царской России и СССР.

В ноябре 2019 г. была закончена реконструкция памятника советскому солдату в районе городе Чойр, где в период с 1969 по 1989 г. дислоцировалась 41-я Особая мотострелковая дивизия Советской армии. Памятник советскому воину в сталинской гимнастерке и со щитом был установлен еще в период социализма, на обыденном уровне он считался самым восточным «Алёшей». Надпись на щите памятника гласит: «Всё, что создано народом, должно быть надежно защищено». Однако осенью 2019 г., после реконструкции, в СМИ за ним закрепилось название мемориальный комплекс «Слава русскому солдату». 7 ноября 2019 г. в торжественной обстановке на памятнике была установлена дополнительная мемориальная доска с надписью на монгольском языке: «Этот комплекс основан в память 41-й Особой мотострелковой дивизии ВС СССР (Чойрский гарнизон), защитившей, выполняя свой интернациональный долг, независимость и безопасность МНР в 1969–1989 гг., с уважением и дружбой к личному составу дивизии, членам их семей и потомкам. Не забудем заслуги воинов-побратимов, защитивших наше священное государство».

В итоге все это формирует особую форму интерпретации советского наследия в Монголии: через призму символов политики русского мира, возникшей как реакция на положение так называемых русских «диаспор катаклизма» после распада СССР. Именно поэтому значительная часть символического поля предыдущего периода важна для поддержания современных коммуникаций. Символическая политика РФ в Монголии на уровне знаков и смыслов имеет много общего с политикой на постсоветском пространстве и в посткоммунистических странах Восточной Европы. Как и в Восточной Европе, интересы российских представительств сосредоточены на памятниках воинской славы. На этих объектах сконцентрировано почти все внимание как посольства РФ, так и представительств субъектов Российской Федерации (Иркутской области, Республик Бурятия и Тыва). Это хорошо прослеживается на уровне газетных публикаций русскоязычных СМИ в Монголии, активно конструирующих некое единое пространство Русского мира (бывшего Восточного блока).

При этом нужно отметить, что каких-либо символов Российской империи в Монголии (кроме русского кладбища) к началу 1990-х практически не осталось. Всё, что включено в современную систему политических коммуникаций, было создано или в СССР, или в 2000-е годы, поэтому почти каждый символический объект, будь то памятник, фреска, газета, песня или фильм, имеет большую ценность и практически сразу присваивается одним из акторов, участвующих в борьбе за право формировать смыслы в политическом пространстве Монголии.

* * *

Советские символы в современной Монголии стали частью как минимум двух националистических способов описания мира. Российский «национализм Родины» и монгольский этнонационализм вполне бесконфликтно сосуществуют на останках советской символической системы. Присвоив и переформатировав памятники ушедшей эпохи, эти два дискурса сформировали новую историческую мифологию и новые политические смыслы, позволяющие претендовать в одном случае на гегемонию в пространстве русского мира, а в другом – говорить о величии монголосферы [Хара-

Даван, 2002]. При этом каждый из них по-своему является достаточно эклектичными и противоречивыми, хотя именно благодаря этим характеристикам – весьма гибким и адаптивным.

В сравнении со странами Восточной Европы, Монголия стоит особняком, это связано как с генеалогией современного Монгольского государства, не разорвавшего преемственность с МНР, так и с пониманием угроз суверенитету и государственной целостности. В этой связи советское наследие, в отличие от Восточной Европы, тесно связано с идеей защиты от притязаний КНР в 1970-е годы. Несомненно, возникали и по-прежнему существуют попытки переосмысления советско-монгольских отношений в негативном ключе. Однако зачастую они оказываются на периферии общественно-политического дискурса, так как ставят под сомнение легитимность существующей генеалогии монгольского государства в связи с отсутствием со времен Средневековья каких-либо приемлемых отправных точек для построения преемственности. Притом что вся история Монголии XX в. – это длительный период преодоления имперского наследия Цин.

Также весьма интересно, что в Монголии роль символического наследия СССР все более возрастает по мере сокращения его экономического наследия. Так, к 2019 г. в Монголии осталось лишь одно совместное российско-монгольское предприятие – это Улан-Баторская железная дорога, построенная еще в 1940-е годы. Но именно к 2019 г. РФ взяла под контроль максимальное количество мемориальных объектов эпохи социализма. Новое время диктует и новые формы экономического сотрудничества, а вслед за ними и появление новых политических символов: памятников Чингисхану, православных храмов, музея политических репрессий, мемориальной доски Николаю II, подарившему дворец монгольскому Богдо-гэгэну.

Важным сюжетом представленного исследования стала борьба за доминирование в поле символической политики. В Монголии период десоветизации со ставшим уже привычным после Восточной Европы сносом памятников В.И. Ленину существенно не затронул конфликтных точек символической политики. Здесь так и не были поставлены памятники белым генералам, а конфликт на Халхин-Голе остался в рамках прежней системы интерпретации. Новые буддийские символы никак не конфликтуют со старыми социалистическими, а политическая элита страны, ответствен-

ная за производство символов, актуализирует их в зависимости от политической конъюнктуры. Поэтому речь идет преимущественно о борьбе за право интерпретации в публичной сфере теми или иными политическими акторами или их коалициями как советских, так и появившихся в более позднее время символов.

Список литературы

- Брубейкер Р.* «Дiasпоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами // *Дiasпоры*. – 2005. – № 3. – С. 44–71.
- Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // *Полис. Политические исследования*. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Малинова О.Ю.* Символическая политика: контуры проблемного поля // *Символическая политика*. – М.: РАН. ИНИОН, 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 5–16.
- Михалев А.В.* Монголия как национализирующееся государство: опыт постсоветских трансформаций // *Политическая наука*. – 2011. – № 2. – С. 193–207.
- Михалев А.В.* Советские мемориалы в Монголии: коллективная память и борьба за символическое пространство // *Дiasпоры*. – 2009. – № 2. – С. 208–232.
- Михалев А.В.* Русские старожилы в Монголии: сообщество в зеркале региональной прессы // *Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством*. – М.: Наталис, 2007. – С. 263–275.
- Лиштованный Е.И.* От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2007. – 198 с.
- Панарин С.А.* Курица не птица? Воспоминания о социалистической Монголии // *Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований*. – 2014. – № 6 – С. 66–76.
- Поцелуев С.П.* «Символическая политика»: к истории концепта // *Символическая политика*. – М.: ИНИОН. РАН, 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 17–54.
- Скрынникова Т.Д.* «Старые» символы новой Монголии // *Символы, образы и атрибуты власти*. – СПб.: МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2014. – С. 203–216.
- Терентьев В.И.* Образы Китая и китайцев в национальном самосознании монголов // *Вестник Томского государственного университета*. – 2016. – № 406. – С. 152–157.
- Хара-Даван Э.* Русь монгольская: Чингис-хан и монголосфера. – М.: Аграф, 2002. – 320 с.
- Баабар Б.* Бүү марг! /Мартвал сөнөнө/. – Улаанбатар: Ардчилсан социалист хөдөлгөөний хэвэл, 1989. – 37 х.
- Baabar B.* From world power to Soviet satellite. History of Mongolia. – Cambridge: The White Horse Press, 1999. – 448 p.

- Billé F.* Introduction to «cartographic anxieties» // Cross-currents: East Asian history and culture review. – 2016. – N 21. – P. 1–19. – DOI: <https://doi.org/10.1353/ach.2017.0000>
- Bulag U.E.* From Yeke-juu league to Ordos municipality: settler colonialism and alter/native urbanization in Inner Mongolia // Provincial China. – 2002. – Vol. 7, N 2. – P. 196–234. – DOI: <https://doi.org/10.1080/1326761032000176122>
- Bulag U.E.* Nationalism and Hybridity in Mongolia. – Oxford: Clarendon Press; N.Y.: Oxford university press, 1998. – 302 p.
- Delaplace G.* Chinese ghost in Mongolia // Inner Asia. – 2010. – Vol. 12, N 1. – P. 138–149. – DOI: <https://doi.org/10.1163/146481710792710282>
- Delaplace G.* Parasitic Chinese, vengeful Russians: ghosts, strangers, and reciprocity in Mongolia // Journal of Royal Anthropological Institute. – 2012. – Vol. 18, N 1. – P. 131–144. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2012.01768.x>
- Gill G.J.* Symbolism and regime change in Russia. – Cambridge: Cambridge university press, 2013. – 326 p.
- Kaplanski C.* The case of the disappearing Chinggis Khaan: dismembering the remembering // Ab imperio. – 2005. – N 4. – P. 147–173. – DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2005.0166>
- Munkh-Erdene L.* The Mongolian nationality lexicon: from the Chinggisid Lineage to Mongolian nationality (from the seventeenth century to the early twentieth century) // Inner Asia. – 2006. – Vol. 8, N 1. – P. 51–98. – DOI: <https://doi.org/10.1163/146481706793646792>

A.V. Mikhalev*

Symbols of soviet presence in post-socialist Mongolia

Abstract. The presented paper is a study of Soviet symbolic legacy in contemporary Mongolia. We are going to discuss not only memorials, but also state symbols, works of art, texts – all things that shape a worldview. The paper is focused on the struggle for the space of symbols and the process of filling this space with new political senses. Today, the struggle is being led between Mongolian ethnic nationalism and Russian nationalism of the Motherland. In Mongolia, the dismantling of monuments to Lenin as a part of decommunization was held within a non-conflict scenario. At the same time, military memorials were left untouched and even turned out to be in a certain demand. Each nationalism forms its own worldview, filling it with symbols of the previous epoch. As a result, we can ascertain a symbiosis of these two nationalisms. This symbiosis exists on the 'ruins' of the Soviet system of symbols and is based on high demand for heroism as an important factor of popular consolidation. In this paper, we study three key myths based on the Soviet legacy and keeping their importance today. The study is based upon the author's fieldwork materials that were obtained dur-

* **Mikhalev Alexey**, Centre of political transformation studies, Buryat State University (Ulan-Ude), mihalew80@mail.ru

ing expeditions to Mongolia in 2009–2019 (Ulaanbaatar, Erdenet, Choir, Sayshand). Besides, the article is based on regional mass media materials, fiction writing, and visual content. This paper is a part of a longitude research devoted to a study of Soviet legacy in Asia.

Keywords: politics; symbolic politics; power; hegemony; state; Asia.

For citation: Mikhalev A.V. Symbols of soviet presence in post-socialist Mongolia. *Political science (RU)*. 2020, N 2, P. 126–142. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.02.06>

References

- Baabar B. *Don't forget! / otherwise you will perish*. Ulaanbaatar: Former Socialist movement, 1989, 37 p. (In Mongolian)
- Baabar B. *From world power to soviet satellite. History of Mongolia*. Cambridge: The White horse press, 1999, 448 p.
- Billé F. Introduction to «cartographic anxieties». *Cross-currents: East Asian history and culture review*. 2016, N 21, P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1353/ach.2017.0000>
- Brubaker R. «Diasporas of the cataclysm» in Central and Eastern Europe and their relations with their homelands. *Diasporas*. 2005, N 3, P. 44–71. (In Russ.)
- Bulag U.E. From Yeke-juu league to Ordos municipality: settler colonialism and alter/native urbanization in Inner Mongolia. *Provincial China*. 2002, Vol. 7, N 2, P. 196–234. DOI: <https://doi.org/10.1080/1326761032000176122>
- Bulag U.E. *Nationalism and hybridity in Mongolia*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford university press, 1998, 302 p.
- Delaplace G. Chinese ghost in Mongolia. *Inner Asia*. 2010, Vol. 12, N 1, P. 138–149. DOI: <https://doi.org/10.1163/146481710792710282>
- Delaplace G. Parasitic Chinese, vengeful Russians: ghosts, strangers, and reciprocity in Mongolia. *Journal of Royal Anthropological Institute*. 2012, Vol. 18, N 1, P. 131–144. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9655.2012.01768.x>
- Gill G.J. *Symbolism and regime change in Russia*. Cambridge: Cambridge university press, 2013, 326 p.
- Hara-Davan Je. *Mongolian Russia: Genghis Khan and the mongolosphere*. Moscow: Agraf, 2002, 320 p. (In Russ.)
- Kaplonski C. The case of the disappearing Chinggis Khaan: dismembering the remembering. *Ab imperio*. 2005, N 4, P. 147–173. DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2005.0166>
- Lishtovanny E.I. *From the Great Empire to Democracy: Essays on the Political History of Mongolia*. Irkutsk: Publishing house of ISU, 2007, 198 p. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. Symbolic politics and the construction of macro-political identity in post-Soviet Russia. *Polis. Political Studies*. 2010, N 2, P. 90–105. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. Symbolic politics: contours of the problem field. In: *Symbolic Politics. Issue 1: Constructing cognitions about the past as a resource of power*. Moscow: INION RAS, 2012, P. 5–16. (In Russ.)

- Mikhalev A.V. Mongolia as nationalizing state: experience of Post-Soviet transformation. *Political science (RU)*. 2011, N 2, P. 191–207. (In Russ.)
- Mikhalev A.V. Soviet memorials in Mongolia: collective memory and the struggle for symbolic space. *Diasporas*. 2009, N 2, P. 208–232. (In Russ.)
- Mikhalev A.V. Russian old-timers in Mongolia: a community in the mirror of the regional press. In: *Migrants and Diasporas in the East of Russia: practice of interaction with society and the state*. Moscow: Natalis, 2007, P. 263–275. (In Russ.)
- Munkh-Erdene L. The Mongolian nationality lexicon: from the Chinggisid Lineage to Mongolian nationality (from the seventeenth century to the early twentieth century). *Inner Asia*. 2006, Vol. 8, N 1, P. 51–98. DOI: <https://doi.org/10.1163/146481706793646792>
- Panarin S.A. Isn't chicken a bird? Memories of Socialist Mongolia. *Labyrinth. Journal of philosophy and social sciences*. 2014, N 6, P. 66–76. (In Russ.)
- Poceluev S.P. «Symbolic politics»: to the history of the concept. In: *Symbolic politics. Vol. 1. The construction of ideas about the past as an imperious resource*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS, 2012, P. 17–54. (In Russ.)
- Skrynnikova T.D. «Old» symbols of new Mongolia. In: *Symbols, images and attributes of power*. Saint Petersburg: MAJe im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, 2014, P. 203–216. (In Russ.)
- Terentyev A.A. Images of China and the Chinese in Mongolian national mentality. *Tomsk State University Journal*. 2016, N 406, P. 152–157. (In Russ.)